

При доказательстве этих гипотез использовались прочно закрепившиеся в конфессиональной литературе так называемые теоремы Прокла, содержание которых изложено в его «Первоосновах теологии». Из 112 теорем, касавшихся взаимосвязи единого и многого, особой популярностью пользовались 7–35 доказательства теории круговращения единого и многого, подтверждающие циклический характер энергии абсолюта, а следовательно, «актуальную бесконечность» возможных манифестаций единого.

Что же лежит в основе постоянно актуализирующихся проявлений абсолюта? Задача получала вполне адекватное решение. Без сомнения, — «нисхождение», эманация, — однако с вполне конкретным результатом. Единое и многое очень часто заменяется отношением единого и множества, а следовательно, любая акциденция абсолюта — числовым множеством. Далее, подобная числовая выраженность — простым математическим действием, выполняемым уже самим человеком.

*Е. И. Чубукова**

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В «ТИМЕЕ» ПЛАТОНА

Проблема времени является одной из наиболее сложных и дискуссионных в истории философской мысли. Многочисленные попытки осмысления понятия времени, предпринимаемые в античной философии, часто приводили к возникновению противоречий и парадоксов, сти-

* Чубукова Елена Ивановна — канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

мулирующих дальнейшее исследование этой проблемы. На фоне размышлений античных мыслителей о природе и сущности времени несомненный интерес представляют воззрения Платона, изложенные в его диалоге «Тимей».

Как и его предшественники, Платон пытается дать ответ на вопрос, что такое время, откуда оно возникло и что выражается в этом понятии. При этом греческий философ исходил из различия неподвластного времени истинного бытия идей и неистинного, преходящего, чувственного мира вещей. Платон разграничивает вечное, тождественное, идеальное бытие и вечно возникающее, но никогда не сущее на самом деле, подвластное лишь мнению и неразумному ощущению, эмпирически данное множество единичных вещей (Тимей, 28). Согласно Платону, понятие времени не применимо к идеальному бытию истинно сущего в отличие от эмпирической реальности, для которой характерно вечное возникновение и разрушение. К идеальному умопостигаемому бытию не приложимы представления о времени, являющимся одним из определений материального мира становления. В отличие от идей конечные и преходящие вещи находятся во времени. Напротив, мир идей, по Платону, это царство вечности, предстающее в своей определенной, законченной, совершенной форме. О вечной сущности, подчеркивает Платон, нельзя сказать, что она «была» или «будет». Ей присуще только одно «есть». Прошлое и будущее — суть виды возникшего времени, приложимые лишь к миру становления, возникновения, изменения, и перенесение этих представлений на вечную сущность Платон считает ошибочным.

Царство идей в качестве вневременного бытия отлично от обусловленной временем конкретной реальности с ее текучестью и подвижностью. То, что вечно пребывает

тождественным и неподвижным не может становиться со временем старше или моложе или вообще претерпевать что-либо из того, чем возникновение наделило поток данных в ощущении вещей (Тимей, 38а). Согласно Платону, вечность как неделимая и самотождественная сущность пребывает в едином, обнимая в себе все сущее, и в этом смысле противостоит множественности. Вечность как универсальная свершенность представляет собой непрерывную потенцию многого. При этом в вечности сущее пребывает только в настоящем, так как из него ничто не может исчезнуть и ничто не может возникнуть, и оно всегда остается тем, что оно есть. «После» вечности ничего не может возникнуть, так как вечность есть истинная цельность, вмещающая в себя все и ни в чем не испытывающая недостатка. Поэтому в вечности ничто не может возникнуть в будущем. Напротив, становление, долженствование, переход в будущее свойственны вещам возникающим, пребывающим, находящимся в постоянном процессе приобретения все нового бытия. Первоначальному же сущему не свойственно стремление к будущему состоянию, так как он есть завершённое целое и имеет все, что для него должно быть. Вечность как все совершеннейшая и целостная сущность бытия заключается в отсутствии всякого привнесения в нее небытия, так как в универсальной целостности не только необходимо присутствует все сущее, но также отсутствует все когда-нибудь несущее. Такова, по Платону, природа вечности.

Это идеальное, вечное, единое бытие логически и онтологически «предшествует» в качестве «образца» конкретной эмпирической действительности, и поэтому Платон в «Тимее» показывает, что мир был сотворен или устроен демиургом, «взиравшим» при этом на вечно сущее

как первообраз при создании идеи или потенции данной вещи (Тимей, 28a). Согласно Платону, времени до возникновения материального мира не было. Время возникает вместе с возникновением космоса, чтобы одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад (Тимей, 38c). Первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как отображение возникло, есть и будет в продолжении целокупного времени (Тимей). Космос вместе с возникшим с ним временем Платон характеризует как движущееся подобие вечности, как подражание божественному (Тимей, 37). Таковы, по Платону, были замысел и намерения Творца относительно рождения времени.

Таким образом, позиция Платона в вопросе о сущности и происхождении времени кардинально отличается от распространенных не только в античности, но и в последующие эпохи концепции, рассматривающих время как пространственное движение или как меру движения. Согласно Платону, эти воззрения несостоятельны, ибо движение уже предполагает время, находится во времени. Поэтому не время есть мера движения, но, напротив, движение есть акциденция времени, «иное» времени, служа его воплощением и подражанием ему. Время, по Платону, не порождается движением, но скорее «показывается» им. Так, движение светил и небесных сфер, описанное в «Тимее», «показывает» время, в котором оно совершается (Тимей, 38c-e). Нельзя думать, что созвездия для Платона и есть само время, так как, по его учению, они созданы для демонстрации времени, его точного измерения. Сам же телесный, видимый, самодовлеющий космос единооб-

разно вращается в одном и том же месте, в самом себе, совершая круг за кругом, а остальные шесть родов движения, упоминавшиеся в «Тимее» — вперед, назад, вправо, налево, вверх и вниз, связанные с деятельностью органов чувств живых существ, устроены так, чтобы не сбивать это первое движение (Тимей, 34а). Единообразное вращение космоса в одном и том же месте — это круговое движение «вечного бытия в самом себе, движение, не знающее пространственных перемен и не зависящее от них. Космос не стареет, не становится, но он есть, то есть неподвижно покоится в вечности. Космос, созданный божеством, сам приобретает божественное совершенство, будучи целостным, завершенным, и благодаря своему совершенству способным пребывать в общении с самим собою, не нуждающимся ни в ком другом и довольствующимся познанием самого себя» (Тимей, 34b). Таким образом, космос как мир видимый, рожденный, осязаемый чувствами, подражает высшему образцу — вечному и тождественному себе интеллигибельному миру (Тимей, 28а–29b). Платон восхищается красотой и совершенством космоса и космического ума, зримого нами при помощи движения неба, временной и числовой соразмерности и гармонии.

Сущность времени Платон видит не в пространственном измерении, считая ошибкой называть время мерой движения. Платон думал, что философы, придерживающиеся подобной точки зрения, выделяют только случайный признак времени. Желая показать истинную сущность времени, он сопоставляет его с коррелятивным понятием вечности. Царство идей, взятое как целое в качестве вечного тождественного бытия, не только существует само по себе и независимо от конкретного, подчиненного вре-

мени материального мира, но также отображается, воплощается в нем. Идеальное бытие, будучи вневременным, предполагает бытие временное и мыслимо лишь в связи с последним. Само существование вечного умопостигаемого бытия предполагает существование чего-то отличного, того, что не есть вечность. Не-вечное же есть временное и тем самым вечность полагает время. Бытие идей, обладающее вневременной значимостью, не понимается Платоном только как автономное царство чистой возможности, поскольку предполагается осуществление, материализация идеального в сфере эмпирической действительности. Идеальное и материальное, вечное и временное выступают как необходимые моменты той целостности, которой является живой, одушевленный телесный космос.

Таким образом, Платон дает философское понятие времени. Считая неправомерным рассмотрение времени с точки зрения пространственного движения, Платон раскрывает связь времени с вечностью, показывает диалектическое соотношение этих понятий. Категории времени и вечности имеют фундаментальное значение в учении Платона. На диалектике времени и вечности строится вся космологическая картина мира, систематическим образом представленная в «Тимее», конструкция всего материального космоса как живого разумного существа, созданного благим демиургом в подражание вечному, самотождественному умопостигаемому первообразу. Эти же категории лежат и в основе учения об идеях и идеальных потенциях вещей как синтезе первообраза и демиурга; об образующимся из этих идей космическом уме и его основных функциях в процессе мирообразования, слиянии ума с душой и телом космоса, возникновении материальных вещей, содержащих в себе неподвижное идеальное начало

и вечно подвижную форму, способную возникнуть, перейти в иную форму и погибнуть.

Учение Платона о времени как «движущемся подобии вечности» получило дальнейшее развитие в неоплатонизме и средневековой философии. Большую ценность представляют труды Плотина и Прокла, содержащие обширные комментарии к «Тимею» и его толкование. Тщательный анализ основных концептуальных понятий платоновского диалога, связанных с проблемой времени, имеет продолжительную традицию в истории философии. Концепция Платона не утратила своего значения и в настоящее время, являясь импульсом для дальнейшего исследования понятия времени и его определения, осмысления этого загадочного и удивительного феномена бытия человечества.

*О. А. Чулков**

ЗРЕНИЕ, ЗРИМЫЙ КОСМОС И НЕВИДИМЫЙ ЭЙДОС

«Глаза открыли нам число, дали понятие о времени и побудили исследовать природу Вселенной, а из этого возникло то, что называется философией и лучше чего не было и не будет подарка смертному роду от богов...» (Тимей, 47 а-в). Обнаруживая удивительное упорство, с которым Платон выдвигает на первый план зрительные интуиции в ущерб всяким другим, А. Ф. Лосев замечает, что превосходство зрения над другими чувственными

* Чулков Олег Алексеевич — студент философского факультета СПбГУ.